

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

DOI 10.15826/koinon.2022.03.1.007

УДК 94(470)“19” + 316.422 + 323.22/.28 + 929 Горбачев

О РОЛИ И МЕСТЕ «ПЕРЕСТРОЙКИ» В ЦИКЛЕ РОССИЙСКО-СОВЕТСКИХ РЕФОРМ XX СТОЛЕТИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Б. П. Гуселетов

Институт Европы РАН
Институт социально-политических
исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

Аннотация: В статье представлен анализ реформ политической системы России начиная с революции 1905 года и заканчивая реформами Б. Ельцина 1990-х годов. Было показано, что политическая модель, сложившаяся в царской России к началу прошлого столетия, не отвечала потребностям и реалиям того времени и не позволяла стране динамично развиваться. Непоследовательность реформ, предложенных Николаем II, на фоне неудачного участия России в Первой мировой войне привели ее в 1917 году сначала к Февральской, а затем Октябрьской революции, которые покончили с монархией, провозгласили республику, сначала буржуазную, а потом советскую. Но и эти реформы не позволили отказаться от авторитарной формы правления, которая воцарилась в Советском Союзе на 70 с лишнем лет. Реформаторские инициативы 1960-х годов Н. Хрущева и А. Косыгина, направленные на смягчение действующего политического и экономического режима, также не увенчались особыми успехами. Наиболее решительной попыткой трансформировать этот режим в сторону его большей эффективности и устойчивости стали реформы М. Горбачева, известные как «перестройка». Они предполагали радикальное

преобразование существующей политико-экономической модели за счет придания ей реальной конкурентности, более активного вовлечения граждан в общественную и деловую активность, отказа от идеологического и политического монополизма компартии. Но реализовать все эти идеи за короткий пятилетний срок инициаторам перестройки не удалось. Многие их идеи нашли воплощение в реформах Б. Ельцина, итоги которых были закреплены в Конституции РФ 1993 года. Но практическая их реализации в последнее десятилетие XX столетия показала, что Россия не смогла до конца отказаться от идей и принципов политического монополизма, которые не позволяют народу реализовать на практике его социально-экономический потенциал и обеспечить стране устойчивое и поступательное развитие.

Ключевые слова: Россия, СССР, реформы, политический режим, перестройка, Горбачев.

Для цитирования: Гуселетов Б. П. О роли и месте «перестройки» в цикле российско-советских реформ XX столетия: политический аспект // Koinon. 2022. Т. 3. № 1. С. 80–93. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.1.007

ON THE ROLE AND PLACE OF PERESTROIKA IN THE CYCLE OF RUSSIAN — SOVIET REFORMS IN XX CENTURY: A POLITICAL ASPECT

B. P. Guseletov

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
Institute of Social and Political Studies,
FSTAS, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The article analyzes the reforms of the political system of Russia, starting with the revolution of 1905 and ending with the reforms of Boris Yeltsin in the 90s of the twentieth century. The author shows that the political model that had developed in tsarist Russia by the beginning of the last century did not meet the needs and realities of that time and did not allow the country to develop dynamically. The inconsistency of the reforms proposed by Nicholas II, against the background of Russia's unsuccessful participation in the First World War, led the country in 1917, first to the February and then the October revolutions, which ended the monarchy, proclaimed a republic, first bourgeois, and then Soviet. But even these reforms did not allow us to abandon the authoritarian form of government that reigned in the Soviet Union for more than 70 years. The reform initiatives of the 60s by N. Khrushchev and A. Kosygin, aimed at softening the current political and economic regime, also had little success. The most decisive attempt to transform this regime towards its greater effectiveness and sustainability

were the reforms of Mikhail Gorbachev, known as “perestroika”. They assumed a radical transformation of the existing political and economic slowness by giving it real competitiveness, more active involvement of citizens in public and business activity, rejection of the ideological and political monopolism of the Communist Party. But the initiators of perestroika failed to implement all these ideas in a short five-year period. Many of their ideas were embodied in the reforms of Boris Yeltsin, the results of which were enshrined in the Constitution of the Russian Federation in 1993. But their practical implementation in the last decade of the twentieth century showed that so far Russia has not been able to completely abandon the ideas and principles of political monopolism, which do not allow the people to put into practice their socio-economic potential and ensure the country’s sustainable and progressive development.

Keywords: Russia, USSR, reforms, political regime, perestroika, Gorbachev.

For citation: Guseletov, B. P. (2022), “On the Role and Place of Perestroika in the Cycle of Russian — Soviet Reforms in XX Century: A Political Aspect”, *Koinon*, vol. 3, no. 1, pp. 80–93 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.1.007

XX столетие оказалось для России (СССР) весьма богатым на разного рода реформы, в том числе радикального толка, начавшись с революции 1905 года и завершившись перестройкой 1985–1991 годов и последовавших вслед за ней реформами Б. Ельцина — Е. Гайдара в последнее десятилетие этого непростого века.

Попытаемся проанализировать причины и последствия этого цикла российско-советских реформ XX столетия с точки зрения их политической составляющей, обратив особое внимание на роль и место в нем «перестройки», инициированной последним Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и его соратниками Н. И. Рыжковым, Е. К. Лигачевым, А. И. Лукьяновым, А. Н. Яковлевым и др. При этом основное внимание автор уделит политической стороне этих реформ, которая всегда играла в России (и СССР) важнейшую роль.

Реформы начала XX столетия: революции 1905 и 1917 годов

На начало XX столетия Россия оставалась страной с монархической формой правления и авторитарным политическим режимом, заметно отставая в политическом развитии от многих европейских стран, большинство из которых стали республиками или парламентскими монархиями. В этих странах была создана система разделения властей с сильными парламентом и судебной властью, проработанным законодательством, ограничивающим властные полномочия правительства и главы государства, относительно развитой партийной системой, обеспечивающей коммуникацию между

органами власти и обществом [Шанин 1997, с. 20]. Как справедливо отметил известный российский историк и автор серии книг о российских революциях начала XX века А. Шубин, «основными причинами начала революций в 1905 и 1917 годах стали рабочий и аграрный вопросы, отягощенные отсутствием эффективной обратной связи между властью и обществом (проблема самодержавия). Большую роль играл также кризис межнациональных отношений („национальный вопрос“» [Шубин 2017, с. 5].

Как известно, основными политическими итогами этой революции стало формирование первого российского парламента — Государственной Думы, обнародование Николаем II манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», редакция которого от 23 апреля 1906 года, по сути, стала первой российской конституцией, которая предусматривала определенные ограничения власти самодержца, ведение демократических свобод, включая свободу слова и вероисповедования, разрешение деятельности легальных политических партий и профсоюзов [Шубин 2005, с. 16]. Однако, как показали события следующих двенадцати лет, реформы носили поверхностный характер и не позволили сформировать в России реальную систему сдержек и противовесов, парламент не стал подлинным институтом законодательной и представительной власти, косвенным свидетельством чего стал роспуск первой и второй Государственной Думы через несколько месяцев после их формирования [Островский 2020; Smele, Heywood 2005].

В результате сохранившаяся архаичная авторитарно-монархическая политическая модель продолжала сковывать развитие страны, что особенно сильно проявилось в ходе Первой мировой войны. Поэтому новый этап уже более радикальных реформ стал неизбежен и был реализован в 1917 году в ходе Февральской и Октябрьской революций.

Еще в 1915 году после отступления российской армии Государственная Дума решила обсудить причины этих поражений. В августе этого же года умеренное думское большинство, объединенное в прогрессивный блок, в который вошли представители шесть фракций, кроме крайне радикальных трудовиков и социал-демократов, выдвинуло предложение о формировании однородного правительства, пользовавшегося поддержкой Думы. Депутаты фактически прямо выступили против Николая II, который 3 сентября 1915 года решил приостановить деятельность этой Думы [Шубин 2014, с. 96].

Когда в феврале 1917 года председатель Думы IV созыва М. В. Родзянко вновь предложил царю сформировать правительство народного доверия, Николай II издал указ о приостановке работы парламента до апреля, что стало одним из триггеров Февральской революции [Шубин 2014, с. 139]. И не случайно Государственная Дума превратилась в главный оплот оппозиции царскому режиму, а руководителем первого Временного правительства, утвержденного ею 2 марта 1917 года, стал князь Г. Е. Львов, бывший депутатом в I созыве

и членом партии кадетов. Сменивший его на этом посту 7 июля А. Ф. Керенский также был депутатом Думы IV созыва и одним из лидеров партии социал-революционеров. Таким образом, российский парламент, несмотря на его маргинальное положение, сыграл достаточно важную роль в организации этой революции и подведении ее итогов.

Главным политическим результатом Февральской революции стал переход России от монархической формы правления к парламентской республике и реформа местного самоуправления. Как верно заметил С. Кара-Мурза, «Февральская революция 1917 года завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи» [Кара-Мурза 1998]. Однако в силу разногласий как внутри самого Временного правительства, так и между ним и еще одним центром власти в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, не удалось реализовать достигнутую между ними договоренность о созыве Учредительного собрания, которое должно было окончательно установить форму правления и конституцию страны. Последний шанс сформировать демократическое коалиционное правительство, которое могло бы провести глубокие государственно-политические и социально-экономические преобразования, в которых нуждалась страна, по мнению А. Шубина, был упущен в сентябре 1917 года. Но отказ руководства партии эсэров, пользовавшейся в тот период значительной общественной поддержкой от сотрудничества с партией большевиков В. И. Ленина, не позволил реализовать этот шанс [Шубин 2014, с. 388]. И в октябре 1917 года в результате вооруженного восстания, известного как Октябрьская социалистическая революция, пришедшая к власти большевистская партия, распустила Временное правительство, отказалась от созыва Учредительного собрания и сформировала однопартийное правительство, установив в стране систему советской власти, просуществовавшей до 1991 года.

С точки зрения теории государства и права в основе этой системы была парламентская республика, в которой формально главенствующую роль играли представительные органы власти (Советы народных депутатов) всех уровней, действующие в рамках «социалистической демократии». Фактически это была суперпрезидентская форма правления, в которой реальную роль главы государства играл Генеральный секретарь ЦК КПСС, а компартия через свои центральные, региональные, областные, городские и районные комитеты полностью контролировала процесс формирования и функционирования исполнительной, представительной и судебной ветвей власти, а также экономических субъектов, действующих в условиях доминирования государственной собственности и централизованной плановой экономики и неразвитых институтов гражданского общества.

Эта система обеспечивала достижение поставленных партией целей: коллективизации и индустриализации в 20–30-е годы XX века, хотя и с большими

затратами, а также обеспечила победу СССР во Второй мировой войне и послевоенное восстановление страны, достигнутые путем экстремальной мобилизации сил и средств советского народа [Лившин 2018, с. 16].

Хрущевская оттепель и косыгинские реформы

Но в мирный период после окончания войны эта система начала давать сбои, вызывая неудовольствие как партийно-политической элиты, так и рядовых граждан. Во многом с этим была связана попытка нового советского лидера Н. С. Хрущева провести мягкую реформу, известную как «хрущевская оттепель» [Советское общество 1997]. Эта попытка не привела к каким-либо реальным преобразованиям политической системы страны, ограничившись критикой культа личности Сталина и последующего разделения организационной структуры партийного аппарата по производственному принципу, которая была отменена вскоре после отставки Хрущева [Пихоя 1998; Смирнов 1993, с. 38].

В 1965 году А. Н. Косыгин, который после прихода к власти Л. Брежнева занял пост Председателя Совета министров СССР, выступил с рядом инициатив, получивших название «косыгинские реформы». Эти реформы были призваны покончить с «хрущевскими» экспериментами в системе управления экономикой и дать ей новый импульс для развития. Они были направлены на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, активное внедрение экономических методов управления и более широкое использованием принципов материального стимулирования. Для введения в действие этих реформ был принят ряд важных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые позволили распространить их на конкретные отрасли народного хозяйства. Но из-за противодействия высшего партийного и военного руководства, а также представителей административных органов разных уровней, которые боялись, что либерализация советской экономики может нарушить их политическую и административную монополию, эти реформы вскоре были практически остановлены [Павлов 1995, с. 68–70].

Перестройка М. Горбачев и ельцинские реформы 90-х годов

Период правления Л. И. Брежнева (1964–1982), занимавшего одновременно посты Генерального секретаря ЦК КПСС (1964–1966 годы — Первый секретарь) и Председателя Президиума Верховного Совета СССР (с 1977 года), получило названия эпохи «застоя». Впервые это определение прозвучало на январском пленуме 1987 года в речи М. С. Горбачева, заявившего, что необходимы перемены, чтобы выйти из состояния застоя.

Экономические реформы Косыгина были остановлены, зато произошло укрепление партийного аппарата, в котором за эти почти два десятилетия

практически не происходило никаких кадровых изменений. В 1977 году была принята новая, так называемая брежневская Конституция СССР, в которой закреплялась идея о «развитом социализме» и узаконивалась роль КПСС как ядра политической системы страны. Степень контроля партии над всеми сферами жизни советского общества заметно выросла.

Однако к середине 1980-х годов все проблемы советской плановой экономики заметно обострились, что нашло свое отражение в росте дефицита потребительских товаров, в том числе продовольственных. Значительно упали доходы от экспорта нефти, что вело к нехватке иностранной валюты, необходимой для импорта, в том числе потребительских товаров. По мнению ряда экспертов, усиливалось отставание СССР в развитии наукоемких отраслей экономики [Бодрова, Калинов 2018, с. 64].

Кроме того, в эти годы заметно изменились общественные настроения в отношении действующей власти и насаждаемых ей идейно-политических догматов. Это было связано с рядом объективных процессов, идущих в советском обществе:

- к 1970–1980-м годам в СССР сформировалось новое поколение, которое, с одной стороны, не имело опыта массовых репрессий, а с другой стороны, сформировавшиеся у него потребности были заметно выше в сравнении с предшествующими поколениями. Представители этого поколения не верили в «светлое коммунистическое будущее» и были достаточно восприимчивы к западным либерально-демократическим идеям и ценностям;

- развитие туризма и усиление коммуникаций между СССР и зарубежными странами, даже несмотря на политику железного занавеса, особенно в 1970–1980-е годы способствовало распространению в СССР новых потребностей и позволяло более объективно сопоставлять уровень жизни людей в СССР и развитых западных странах;

- к этому времени в СССР постепенно сформировался, пусть и латентно, свой средний класс, включавший в себя государственных служащих, инженеров, учителей, врачей, других специалистов с высшим образованием, торговых работников, которые стали играть все большую роль в жизни советского общества;

- в целом имел место рост образовательного уровня населения, что сопровождалось появлением достаточно многочисленного слоя интеллектуалов, осознающих свое бесправное политическое положение и желающих повышения своего общественного статуса и уровня потребления;

- ускоренными темпами шла урбанизация населения: в 1958 года более 50 % советских граждан жили в городе, а, например, в Западной Сибири в 1979 году удельный вес городского населения составил 67,7 %, в 1989 году — 72,8 %;

- и наконец, что особенно важно, советская партийно-хозяйственная элита, в большинстве своем разочаровавшаяся в марксизме-ленинизме, также

хотела преобразований, понимая, что стране не обойтись без модернизации. При этом верхушка элиты был не прочь прибрать к рукам часть общенародной собственности, которую она контролировала, но которую не могла передать по наследству [Величко 2016, с. 5].

После смерти Брежнева (1982), а затем двух его преемников Ю. В. Андропова (1984) и К. У. Черненко (1985), которые в силу краткости пребывания на посту главы государства и партии не успели оставить особого следа, именно эта элита выдвинула из своей среды М. С. Горбачева, занявшего пост Генсека ЦК КПСС в 1985 году. Изначально он был приверженцем социалистической системы и поэтому выступал лишь за некоторые ее незначительные преобразования.

Постепенно к Горбачеву пришло понимание необходимости радикальной реформы советской политической и экономической системы, которая сегодня известна как «перестройка». Не случайно он начал постепенно использовать революционную риторику для обоснования целей, объявленной им «перестройки». И во время поездки в Хабаровск летом 1986 года он впервые сравнил «перестройку» с Октябрьской революцией 1917 года, которая стала для него «источником идей и политической реформы» [Елисеева 2012, с. 125].

Выступая на XIX Всесоюзной партийной конференции в июне 1988 года М. С. Горбачев заявил: «Существующая политическая система оказалась неспособной предохранить нас от нарастания застойных явлений в хозяйственной и социальной жизни в последние десятилетия и обрекла на неудачу предпринимавшиеся тогда реформы. Стало характерным все большее сосредоточение хозяйственно-управленческих функций в руках партийно-политического руководства. Одновременно гипертрофировалась роль исполнительного аппарата. Число лиц, избранных в различные государственные и общественные органы, достигало трети взрослого населения страны, но при этом их основная масса была отстранена от реального участия в решении государственных и общественных дел» [Доклад 1988].

Однако следует признать, что процесс реформирования политической системы СССР, инициированный Горбачевым и его соратниками по Политбюро ЦК КПСС, шел непоследовательно и не совсем системно [Гуселетов 2021, с. 144].

С одной стороны, была ликвидирована политическая монополия КПСС после отмены статьи 6 Конституции СССР; началось становление многопартийной системы; произошло радикальное изменение избирательной системы за счет внедрения в нее демократических принципов; Верховный Совет СССР превратился в постоянно действующий парламент; был образован институт правового контроля в лице Комитета Конституционного надзора; был введен пост Президента СССР, первоначально избираемого Съездом народных депутатов, а впоследствии всем населением страны; была изменена структура

высшей исполнительной власти за счет создания Кабинета министров, подчиненного президенту.

Но, с другой стороны, хотя парламент (Верховный Совет), пусть и формально утверждал кандидатуру главы правительства (председателя Кабинета министров), действительного влияния на ее выбор и состав Кабмина не оказывал. Реально возникшие в СССР политические партии: «Демократический союз» Е. Дебрянской и В. Новодворской, возникший в 1988 году и провозгласивший себя первой «оппозиционной» КПСС партией; «Демократическая партия России», основанная в мае 1990 года народным депутатом РСФСР Н. Травкиным; «Республиканская партия Российской Федерации», образованная в ноябре 1990 года народным депутатом РСФСР В. Лысенко, народным депутатом СССР С. Сулакшиным и ректором Московской высшей партийной школы В. Шостаковским и др., институционально не были представлены в парламенте и также не влияли ни на формирование правительства, ни на определение государственной политики. Процесс реальной политической конкуренции не был запущен. Судебная ветвь власти также оставалась под неформальным контролем исполнительной власти.

Таким образом, следует признать, что, хотя попытки реформирования политической системы СССР, предпринятые М. Горбачевым в ходе перестройки, были по замыслу наиболее решительными и продуманными по сравнению со всеми предыдущими попытками подобного рода, предпринимаемыми в России и СССР в XX столетии, довести их до конца в силу объективных и субъективных обстоятельств не удалось.

Распад Советского Союза в 1991 году привел к тому, что руководство практически всех 15 бывших советских республик, преобразовавшихся в новые независимые государства (ННГ), заняли критическую позицию по отношению к «советскому прошлому» и заявляли о приверженности либерально-демократическим ценностям. Но реально демократические политические режимы достаточно быстро были сформированы лишь в трех балтийских республиках Латвии, Литве и Эстонии, чему во многом способствовало влияние на них стран-членов Европейского Союза, в который эти республики вступили позднее, в начале XXI столетия. В остальных двенадцати ННГ в прошедшие годы предпринимались разного рода попытки реформирования политической системы, но это тема отдельного исследования.

Коротко отметим, что первый президент новой независимой России Б. Н. Ельцин, который был одним из наиболее жестких и последовательных критиков М. С. Горбачева, инициировал в 1993 году принятие новой российской Конституции, в которой были заложены многие перестроечные инициативы, касающиеся реформирования политической системы СССР и РСФСР. Имеется в виду и принцип разделения властей, и гарантии конкурентных выборов представительных и исполнительных органов власти всех уровней, переход

России к реальному федерализму, и независимость судебной системы и независимость органов местного самоуправления от органов государственной власти и многое другое. Все эти положения нашли отражение в тексте новой Конституции, принятой на всероссийском референдуме 12 декабря 1993 года, и в этот же день прошли первые выборы депутатов Государственной Думы, нижней палаты российского парламента, в которых приняли участие представители 13 политических партий.

По мнению ряда российских экспертов, «Российская версия (Конституции. — *Авт.*) вышла, вероятно, не самой удачной, поскольку была е нацелена на доминирование одного властного института (президента. — *Авт.*)» [Шаблинский 2010, с. 108]. В результате фактическое влияние нового парламента на формирование правительства оказалось минимальным: он утверждал лишь кандидатуру главы правительства под дамокловым мечом роспуска Государственной Думы, если она трижды отклонит кандидатуру, предложенную президентом. Политические партии, парламента, органы исполнительной и представительной власти субъектов федерации и судебная ветвь власти оставались под неформальным контролем администрации президента, которая в некотором смысле представляла собой аналог аппарата ЦК КПСС, а местное самоуправление, лишенное твердой финансовой основы (за исключением столиц ряда наиболее развитых субъектов федерации), практически полностью зависело от глав областей и республик Российской Федерации. Со временем этот контроль только усиливался [Шевцова 1999, с. 480].

Можно констатировать, что, хотя в российской Конституции 1993 года с формально-правовой точки зрения был сделан существенный шаг в направлении формирования в России президентско-парламентской формы правления и демократического политического режима, на практике в стране складывалась суперпрезидентская республика, характерной чертой которой была все бóльшая концентрация властных полномочий в руках президента и его администрации и резкое сужение сферы политической и экономической конкуренции.

Заключение

Цикл реформ политической системы царской России (СССР, Российская Федерация), имевших место в XX столетии, который начался с революции 1905 года и завершился в 1993 году принятием Конституции РФ, несомненно, привел к ее значительной трансформации как с юридической, так и с практически политической точки зрения. Серьезные попытки радикального реформирования политического строя царской России были предприняты в феврале (переход от монархии к республике) и октябре (провозглашение республики советов) 1917 года в ходе двух революций. Однако эти реформы, хотя и привели к отказу от монархической формы правления, фактически сохранили

авторитарный политический режим, который заметно сковывал развитие гражданского общества и не обеспечивал цивилизованную конкуренцию в политической и экономической сфере, необходимую для успешного и поступательного развития страны.

После войны реформы Н. Хрущева и А. Косыгина в определенной мере смягчили сверхжесткую политико-экономическую модель, сложившуюся в Советском Союзе за время правления И. Сталина, но по большому счету не изменили ее сути. Последовавший затем период «застоя», связанный с временем правления Л. Брежнева, позволил сохранить сложившийся статус-кво, но к концу периода, особенно после войны в Афганистане и падения мировых цен на энергоносители, сопровождался снижением темпов экономического роста и усилением застойных явлений в советском обществе.

Ответом на это стала объявленная новым руководством СССР во главе с М. Горбачевым «перестройка», которая по замыслу представляла собой наиболее серьезную попытку реформирования советской политической системы за счет отказа от монополии компартии, формирования конкурентной политической и экономической системы, создания системы сдержек и противовесов и пр. Но в силу ряда объективных и субъективных причин, приведших в 1991 году к распаду СССР, и эта попытка оказалась неудачной.

Политические реформы Б. Ельцина, начатые им в новой независимой России, привели к тому, что в Конституции РФ 1993 года были конституционно закреплены президентско-парламентская форма республика, федеративное административно-территориальное устройство и демократический политический режим [Конституция РФ 2009], т. е. все формальные признаки демократического правового государства республиканского типа. Однако практика применения этих норм с учетом имевшихся в Конституции 1993 года юридических лазеек, закреплявших за президентом значительные властные полномочия, де-факто привели, пусть и мягко, к возврату в России авторитарного политического режима, где главенствующую роль играл институт президентства и обслуживающей его администрации, а другие ветви власти (парламентская и судебная) не имели реальной самостоятельности, так же как региональные и местные органы власти, не говоря уже об институте гражданского общества.

Таким образом, следует признать, что, несмотря на указанный цикл политических реформ, осуществленных в России в прошедшем столетии, стране не удалось до конца вырваться из оков политического монополизма, остававшегося ее неизменным атрибутом и не позволившего стране встать на путь устойчивого и поступательного экономического и политического развития. Хотелось бы верить, что в наступившем XXI столетии российский народ и его политическая элита извлекут серьезные уроки из своей истории и сумеют довести до конца необходимые реформы политической и экономической модели.

Список литературы

- Бодрова, Калинов 2018 — Бодрова Е. В., Калинов В. В. Факторы, определившие технологическое отставание СССР накануне перестройки // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 63–70. DOI: 10.17223/19988613/52/12.
- Величко 2016 — Величко С. А. Причины начала перестройки в СССР (30-летию появления термина «перестройка» посвящается) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 4–9. DOI: 10.19073/2306-1340-2016-2-4-9.
- Гуселетов 2021 — Гуселетов Б. П. PRO AND CONTRA — новый взгляд на политическое наследие М. Горбачева // Горбачев. Урок свободы / отв. ред. Р. С. Гринберг. М. : Весь мир, 2021. С. 142–149.
- Доклад 1988 — Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки». 28 июня 1988 года // Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М. : Политиздат, 1988. 160 с.
- Елисеева 2012 — Елисеева Н. В. Революция как реформаторская стратегия Перестройки СССР: 1985–1991 гг. // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. П. П. Марченко, С. Ю. Разина. М. : АПР, 2012. С. 117–150. (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Вып. 3).
- Кара-Мурза 1998 — Кара-Мурза С. Г. Глава 2 : Государство и право после Февральской революции 1917 года [Электронный ресурс] // Кара-Мурза С. Г. История советского государства и права. М. : Былина, 1998. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/pravo/pravo2.html> (дата обращения: 15.03.2022).
- Конституция РФ 2009 — Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М. : Юридическая литература, 2009. 64 с.
- Лившин 2018 — Лившин А. Я. Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 13–35. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-13-35.
- Островский 2020 — Островский А. В. Россия. Самодержавие. Революция : в 2 т. Т. 1. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2020. 710 с.
- Павлов 1995 — Павлов В. Поражение: почему захлебнулась «косыгинская реформа» // Родина. 1995. № 11. С. 66–70.
- Пихоя 1998 — Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. 2-е изд. М. : Изд-во РАГС, 1998. 734 с.
- Смирнов 1993 — Смирнов Г. Маленькие секреты Большого Дома: Воспоминания о работе в аппарате ЦК КПСС // Неизвестная Россия. XX век : Архивы. Письма. Мемуары : в 4 т. Т. 3 / сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. М. : Историческое наследие, 1993. С. 361–382.
- Советское общество 1997 — Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал : в 2 т. Т. 2 : Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. 757 с.
- Шаблинский 2010 — Шаблинский И. Г. Выключенный механизм: сдержки и противовесы в российской конституционной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75). С. 107–115.
- Шанин 1997 — Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. : пер. с англ. Е. М. Ковалева. М. : Весь мир, 1997. 560 с.
- Шевцова 1999 — Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина. М. : РОССПЭН, 1999. 535 с.
- Шубин 2005 — Шубин А. В. Первая русская революция в системе исторических координат // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 (44). С. 13–20.
- Шубин 2014 — Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М. : Родина МЕДИА, 2014. 452 с.

- Шубин 2017 — Шубин А. В. Великая Российская революция. 10 вопросов / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. О. Чубарьяна. М., 2017. 46 с.
- Smele, Heywood 2005 — The Russian Revolution of 1905: Centenary Perspectives / ed. by J. D. Smele, A. J. Heywood. London ; New York : Routledge, 2005. 284 p.

References

- Afanas'ev, Yu. N. (ed.) (1997), *Sovetskoe obshchestvo: vzniknovenie, razvitie, istoricheskii final, v 2 tomakh. Tom 2, Apogei i krakh stalinizma* [Soviet society: emergence, development, historical finale, in 2 vols, Vol. 2, Apogee and collapse of Stalinism], Russian State University for the Humanities, Moscow, 757 p. (in Russian).
- Bodrova, E. V. and Kalinov, V. V. (2018), "The factors that determined the technological backwardness of the USSR on the eve of 'perestroika' ", *Tomsk State University Journal of History*, no. 52, pp. 63–70 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/52/12.
- Eliseeva, N. V. (2012), "Revolution as a Reformist Strategy of Perestroika in the USSR: 1985–1991", in Marchenya, P. P. and Razin, S. Yu. (eds), *Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii, sbornik nauchnykh statei (k 95-letiyu Fevralya–Oktabrya 1917)* [Russia and Revolution: past and present of systemic crises in Russian history, a collection of scientific articles (on the occasion of the 95th anniversary of February–October 1917)], APR, Moscow, 388 p. (in Russian).
- Guseletov, B. P. (2021), "PRO AND CONTRA — a new look at the political legacy of M. Gorbachev", in Grinberg, R. S. (ed.), *Gorbachev. Urok svobody* [Gorbachev. Freedom Lesson], Ves' mir, Moscow, pp. 142–149 (in Russian).
- Kara-Murza, S. G. (1998), "Chapter 2, State and Law after the February Revolution of 1917", in Kara-Murza, S. G., *Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava* [History of the Soviet state and law], Bylina, Moscow, available at: <http://www.kara-murza.ru/books/pravo/pravo2.html> (accessed 15 March 2022) (in Russian).
- Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda [Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993] (2009), Yuridicheskaya literatura, Moscow, 64 p. (in Russian).
- Livshin, A. Ya. (2018), "Communist Party in the Power System of the USSR", *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no. 3, pp. 13–35 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-13-35.
- Ostrovskii, A. V. (2020), *Rossiya. Samoderzhavie. Revolyutsiya, v 2 tomakh. Tom 1* [Russia. Autocracy. Revolution, in 2 vols, Vol. 1], Tovariščestvo nauchnykh izdanii KMK, Moscow, 710 p. (in Russian).
- Pavlov, V. (1995), "Defeat. Why the Kosygin reform choked", *Rodina*, no. 11, pp. 68–70 (in Russian).
- Pikhoya, R. G. (1998), *Sovetskii Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: History of Power. 1945–1991], 2nd ed., RAGS, Moscow, 734 p. (in Russian).
- "Report of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU Comrade M. S. Gorbachev 'On the implementation of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU and the tasks of deepening perestroika'. June 28, 1988" (1988), in *Materialy XIX Vsesoyuznoi konferentsii Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza, 28 iyunya — 1 iyulya 1988 goda* [Materials of the XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 — July 1, 1988], Politizdat, Moscow, 160 p. (in Russian).
- Shablinskii, I. G. (2010), "Turned Off Mechanism: Checks and Balances in the Russian Constitutional Practice", *Comparative Constitutional Review*, no. 2 (75), pp. 107–115 (in Russian).
- Shanin, T. (1997), *Revolutsiya kak moment istiny: Rossiya 1905–1907 → 1917–1922* [Revolution as a Moment of Truth], translated by Kovalev, E. M., Ves' mir, Moscow, 560 p. (in Russian).
- Shevtsova, L. F. (1999), *Rezhim Borisa El'tina* [Boris Yeltsin regime], ROSSPEN, Moscow, 535 p. (in Russian).

- Shubin, A. (2005), "The First Russian Revolution in the historical coordinates", *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6 (44), pp. 13–20 (in Russian).
- Shubin, A. V. (2014), *Velikaya Rossiiskaya revolyutsiya: ot Fevralya k Oktyabryu 1917 goda* [The Great Russian Revolution: from February to October 1917], Rodina MEDIA, Moscow, 452 p. (in Russian).
- Shubin, A. V. (2017), *Velikaya Rossiiskaya revolyutsiya. 10 voprosov* [The Great Russian Revolution. 10 questions], Moscow, 46 p. (in Russian).
- Smele, J. D. and Heywood, A. J. (eds) (2005), *The Russian revolution of 1905: Centenary perspectives*, Routledge, London, New York, 284 p.
- Smirnov, G. (1993), "Little secrets of the Big House. Memories of working in the Central Committee of the CPSU", in Kozlov, V. A. and Zav'yalov, S. M. (eds), *Neizvestnaya Rossiya. XX vek, Arkhivy. Pis'ma. Memuary, v 4 tomakh. Tom 3* [Unknown Russia. XX century: Archives. Letters. Memoirs, in 4 vols, Vol. 3], Istoricheskoe nasledie, Moscow, pp. 361–382 (in Russian).
- Velichko, S. A. (2016), "The Causes of Perestroika in the USSR (Dedicated to the 30th Anniversary of the Term 'Perestroika')", *Siberian Law Review*, no. 2 (31), pp. 4–9 (in Russian). DOI: 10.19073/2306-1340-2016-2-4-9.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 10.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 25.05.2022

Информация об авторе

Гуселетов Борис Павлович
доктор политических наук, доцент
Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11,
корп. 3
Институт социально-политических
исследований ФНИСЦ РАН
119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6,
корп. 1
E-mail: bguseletov@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-6256-5013

About the author

Guseletov, Boris Pavlovich
D. Sci. (Political Sciences), Associate
Professor
Institute of Europe, Russian Academy
of Sciences
11/3 Mokhovaya St., Moscow, 125009 Russia
Institute of Social and Political Studies,
FSTAS, Russian Academy of Sciences
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333 Russia
E-mail: bguseletov@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0001-6256-5013